

Столичные города

ЖАН ГОТТМАН

Жан Готтман (1915–1994). Французский урбанист, классик географической науки, в течение многих лет возглавлявший географическую школу в Оксфорде.

Ключевые слова: бывшие столицы, переносы столиц, функции столицы, периферийные и центральные столицы, множественный посредник, урбанизация, метрополизация, мегаполисы, спроектированные города.

В статье обсуждаются концепции столицы и столичности и особенности формирования столичных городов, главным образом в европейских странах. Готтман выделяет три фактора, которые определяют роль столицы в различных государствах: размер территории и внешние характеристики государства, характер его внешних связей и степень государственного контроля. Он обсуждает объем функций столиц, причины и закономерности переносов столиц в различных странах, особенности новых столиц, а также факторы, которые определяют их географическое размещение, особенности архитектуры и иконографии. Готтман выдвигает концепцию столиц как скреп, которые соединяют государство с внешним миром, скрепляют разнообразные этнические и проч. группы страны, а также различные этапы их истории. Кроме того, он обращается к вопросу о характере конфликтов между крупными городами и государственной властью в разные периоды истории и обсуждает роль бывших столиц во внутренней динамике культур и государств.

CAPITAL CITIES

JEAN GOTTMANN (1915–1994). French urbanist, classic of geography science, who had been the Director of the School of Geography at Oxford University.

Keywords: former capitals, capital relocation, capital functions, peripheral and central capitals, multiple hinge, urbanization, metropolisation, megapolices, projectes cities.

The article discusses the concept of a capital city and the formation of capital cities, mostly in European countries. Gottmann emphasizes three factors that define the role of a capital city: the size of its territory, external features of a state, character of its international connections and a level of government control. The author also discusses the volume of capital cities' functions, motivations and consistent patterns of capital city relocations in different countries, the peculiar features of new capital cities as well as factors that determine their geographical location, type of architecture and iconography. Gottmann develops the concept of capital cities as hinges to link various ethnic and other groups within the state, different periods of national history and to connect the country with the world outside. The author also turns to an issue of the character of conflicts between major cities and the state power in different historical periods and discusses the role of former capitals within the inner dynamics of cultures and states.

ГОРОД, являющийся столицей, всегда привлекает особое внимание. Столица — это, по определению, опора власти и место, где принимаются решения, которые влияют на жизнь и будущее нации, а также способны повлиять на процессы и события за рубежом. Столицы отличаются от остальных городов: функция столицы обеспечивает городу устойчивую и сильную центральную роль. Столица должна размещаться в особой *среде*, которая бы обеспечивала то, что требуется для безопасного и эффективного выполнения характерных для столицы функций управления и принятия решений.

АТТРИБУТЫ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Среда размещения столицы довольно сложна; столичный город создает для мест сосредоточения власти и вокруг них обустроенную среду, наделенную, к примеру, возрастающей со временем уникальной монументальностью, дабы подчеркнуть статусность и церемониальность. Социальная среда столицы тоже специфична, так как здесь в силу рода занятий концентрируются работники определенных категорий: дипломаты, лоббисты, журналисты и, конечно, политики, которых в таком количестве нет в других, не столичных городах. Масштаб принимаемых здесь решений, влияющих на жизнь разных регионов,

Перевод с английского Александра Писарева по изданию: © *Gottman J. Capital Cities // Since Megalopolis. The Urban Writings of Jean Gottman. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1990. Ch. 3. P. 63–82.*

привлекает в столицу множество гостей. Они приезжают сюда в деловых целях — зачастую неоднократно и на довольно длительный срок, из всех регионов страны и из-за границы.

Эта социальная структура предполагает развитие в столице вспомогательных видов деятельности: всевозможных служб для административных и деловых кругов, СМИ, сбора, производства и распространения новостей и иных видов информации. Некоторые из этих вспомогательных видов деятельности (например, в сферах транспорта и коммуникаций) требуют дополнительного развития столичной инфраструктуры. Столица должна быть доступна для других регионов государства и других стран — и наоборот.

Благодаря функции столицы в городе развивается большой и насыщенный рынок труда, основанный на четырех основных профессиональных категориях. Политический персонал обычно составляет лишь часть рабочей силы. Другими важными составляющими являются сопровождающие государственную деятельность экономическая и культурная функции города, которые способны сформировать большую часть трудового населения столицы. Диверсификация рынка труда стимулируется ростом бюджетных расходов, а также постоянным расширением сферы, контролируемой или по меньшей мере регулируемой решениями правительства и законодательной системой. За последнее столетие благодаря прямому или косвенному вмешательству значительно возросла роль правительств в экономической, социальной и культурной жизни большинства наций. Это затронуло почти все области человеческой деятельности. Хотя в некоторых странах наблюдались симптомы снижения уровня государственного вмешательства и затрат, все упомянутые области постоянно обсуждаются на парламентских совещаниях, так что едва ли можно говорить о сужении круга вопросов, по которым в столице принимаются решения. Кроме того, в столичном населении отражается многообразие населения страны, ведь в столице собираются выходцы из всех ее регионов. Толпы недовольных стекаются сюда, уповая на дивиденды от привилегий столичного статуса города.

Расширение роли государственной власти и ее привлекательность для бедных привели к стремительному росту столичных городов. Это расширило и обострило давний конфликт интересов между наделенным властью центром и периферийными районами и локальными центрами страны. В итоге число конфликтов между центром и периферией возросло почти в каждой стране. Необходимость децентрализации стала тем фактором, который иногда подталкивал [государство] к выбору в пользу федерального конституционного устройства или к рефор-

мам системы делегирования власти. Количество федеративных государств в мире увеличилось, хотя это и не сформировало тот же тип отношений между центральными властями в федеральной столице и региональными правительствами в столицах федеральных образований (штатов, кантонов, провинций и т.д.). Хотя они и установлены основательно, это слабые отношения, поскольку они позволяют делегировать значительную власть федеральным образованиям, как в случае отношений между швейцарскими кантонами и конфедеративным правительством в Берне.

К странам со «слабой централизацией» можно было бы отнести и США. Это было бы верно в XIX веке, но с 1920 года федеральное правительство постепенно усилило свою роль в национальной системе и в международных отношениях. Современный образ Вашингтона, округ Колумбия, служит свидетельством его прошлого и недавней эволюции.

Роль политического центра складывается постепенно и медленно, что особенно заметно в демократических нациях, противящихся любым формам тирании. Новые столицы могут возникать в условиях автократических режимов, подавляющих на своей территории любое сопротивление и представляющих сильными и могущественными. Так, Петр I смог навязать России верховенство своей новой столицы — Санкт-Петербурга. Его преемники настолько развили этот город, что, даже потеряв функции столицы, он остался вторым в СССР после Москвы. Традиция автократического правления в Иране менее чем за век закрепила за Тегераном центральную роль. Точно так же авторитарность правителей в колониях Испанской империи сделала маловероятным перенос политических центров из сложившихся столиц республик Испанской Америки. А достигнутая в период Эдо сегунатом Токугава сильная централизация подготовила господство Токио, начавшееся в эпоху Мэйдзи.

При оценке центральной роли столицы могут быть полезны количественные данные, но только при условии их рассмотрения в контексте национальной системы, центром которой является столица. Не стоит недооценивать встроенный в любую политическую систему конфликт, в котором противостоят друг другу центральность столицы и статус остальной территории. Традиционный же анализ столичных городов начинается с изучения их местонахождения в географических терминах. В последнее время в нескольких странах был осуществлен перенос центра государственной власти, а во многих других его возможность обсуждалась. Причины таких переносов позволяют узнать много нового о том, чего ожидают от столичных городов.

РАСПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Географическое место столицы на карте национальной территории сильно меняется от страны к стране, поэтому попытки обобщений неизбежно выльются в огрубления. Уже беглый взгляд на политическую карту мира позволяет сделать следующие наблюдения: в большинстве случаев столица находится либо где-то центре, либо на самой периферии. Периферийность обычно обусловлена удобством положения морских портов; преимуществом же центрального положения является связанность со всеми частями территории; периферические приморские столицы часто встречаются в странах, которые когда-то были колониями морских держав.

Не стоит пренебрегать последней категорией столиц, особенно в наше время. Количество членов ООН почти утроилось (с 55 до 150) за период 1946–1982 годов. Даже из числа членов ООН на момент ее основания в 1946 году около половины стали независимыми государствами только в предыдущие двести лет. Впрочем, прибрежное расположение (по определению периферийное) характерно и для столиц стран, которые никогда не были колониями, — Лондона, Лиссабона, Рима, Стокгольма, Копенгагена и Токио. Более того, Константинополь и Санкт-Петербург были великими столицами могущественных империй. Столица обязательно является *посредником (hinge)* между страной и внешним миром. Ни одно государство так просто не отдаст ведение своей внешней политики другой силе. Когда же такое случается, как, например, в Марокко, государство уже не может считаться по-настоящему суверенным. Прямой доступ к морской навигации веками был серьезным преимуществом для внешней политики и сбора информации из-за рубежа. Перенос российской столицы из расположенной в глубине страны Москвы в приморский Санкт-Петербург на практике символизировал «раскрытие» России для внешних влияний и ее желание доминировать на море. Возможно, схожими соображениями в 1868 году руководствовался и император Мэйдзи, перенося столицу Японии из расположенного в глубине территории Киото в морской порт Токио, который уже тогда был сильным политическим центром.

Расположение столицы свидетельствует о множестве практических и символических, вернее, *иконографических* факторов, сыгравших роль в выборе места. Впрочем, статистическое исследование показало бы, что географическая центральность довольно успешно конкурирует с прибрежным периферийным расположением.

Ни одна политическая столица не оставалась во главе могущественного государства дольше, чем Константинополь (Стам-

бул). В течение 1600 лет он был столицей трех существовавших друг за другом империй (Римской, Византийской и Османской) — с момента своего основания в качестве Нового Рима Константином Великим (330 год) до переноса столицы Турции в Анкару по решению Кемали Ататюрка в 1923 году. По официальной версии Константин выбрал место на берегу Босфора, подчинившись явившемуся во сне божественному откровению. Это видение много обсуждалось историками, и, по мнению археолога сэра Джона Майреса, оно может свидетельствовать о предшествовавшем решению тщательном планировании¹:

Чтобы защищать империю в целом, Новый Рим должен был располагаться как можно ближе к Евфрату, а не только к Дунаю и северо-западному тракту, предназначенному для получения подкреплений из Милана и Аквилеи или доставки их туда. Если он задумывался как центр притяжения населения империи, то должен был хорошо снабжаться, а для этого находиться на побережье, откуда были бы доступны зерновые из Египта, а также любые иные товары из степных портов (*steppe ports*). Город должен был суметь защитить эти пути снабжения и остановить морских пиратов с севера. <...> В случае же перебоев морских поставок необходимо было наличие местного снабжения и местных людских ресурсов. Подобно Лизимахии и Адрианополю, Новый Рим должен был контролировать фракийские нивы и высокогорья, но избегать при этом риска оказаться в изоляции, в которую попали эти города. <...> Место должно было быть исконно греческим, чтобы подчинить и настроения, и интересы греков.

Раньше выбор места размещения столицы зависел от политических, военных, экономических и культурных факторов. Они сохраняют значение и сегодня, хотя в нынешнем, технологически более развитом и охраняемом мире значимость военного (теперь ракеты и самолеты могут издалека поразить любую точку) и экономического (дальние поездки и транспортировка теперь менее затратны) факторов уменьшилась. Однако в целом комплекс факторов по-прежнему крайне сложен. Важно проследить баланс факторов, которого Новый Рим должен был достичь. Столица — не только связующее звено между страной и внешним миром, это *множественный посредник*, артикулирующий многообразные деления, сети и группы интересов внутри страны. Константинополь должен был быть посредником между Европой и Азией, Средиземным и Черным морями, римлянами и греками, сухопутными и морскими силами. Возможно, именно поэтому он так долго при самых разных режимах оставался великой столицей.

1. Myres J. The Marmara region // *Geographical History in Greek Lands*. Oxford: Clarendon Press, 1953.

Понятие *посредника* может быть очень полезно для понимания столичных городов исходя из их как расположения, так и роли центра. Новые столицы в XIX веке предлагают либо историческое посредничество, связующее настоящее с великим прошлым (Рим, Афины), либо социокультурное посредничество, которое связывает обладающие разными культурами и разным социальным устройством части нации, повседневное взаимодействие которых таит в себе потенциальный долговременный конфликт. Примерами последнего типа являются Вашингтон (связь между Севером и Югом в восточной части Соединенных Штатов), Токио (между западом и востоком Японии), Стокгольм (между севером и югом Швеции). Несомненно, Брюссель был посредником между фламандской и валонской частями Бельгии, а Оттава — между Онтарио и Квебеком в Канаде — большими провинциями с очень неоднородным населением. Даже сравнительно центральное расположение Парижа в парижском бассейне подразумевало посредничество, когда в 987 году Гуго Капет избрал этот город столицей Франции. Париж был не только местом слияния рек, соединявших различные провинции бассейна, но и сильным городом, остановившим продвижение норвежцев по Сене вглубь страны, — посредником между французскими и нормандскими землями. Будучи столицей Польши с XVII века, Варшава в силу обстоятельств тоже была посредником между регионами страны. Впрочем, как представляется, здесь аспект географически центрального положения доминирует над понятием посредника.

Действительно, многие столицы долго находились и находятся в глубине территории страны, достаточно близко к ее центру. Во многом это было обусловлено давними историческими обстоятельствами, специфическими для каждой страны. Более успешные политические силы увеличивали свои территории путем аннексии периферийных земель. Ясно, что такой процесс предполагал центральное расположение столицы. Иногда же вследствие политических событий столица оказывалась на периферии. Так, поначалу Вена управляла Восточной маркой, государством на востоке Священной Римской империи. Благодаря завоеваниям земель восточнее, она оказалась в центре Германской империи XVIII века, распад которой после 1919 года оставил Вену на периферии — столицей значительно уменьшившейся Австрии, но одновременно в качестве посредника между востоком и западом Центральной Европы.

Со времен Первой мировой войны многие столицы были перемещены, причем по самым разным причинам. Несмотря на разнообразие причин, общей тенденцией было сильное смещение вглубь территории, ближе к центру. Для оценки прояв-

ления этой тенденции достаточно привести в пример перенос советской столицы в Москву, турецкой — в Анкару, бразильской — в Бразилиа, пакистанской — в Исламабад и нигерийской — в Абуджу. Возможно, общим знаменателем во всех этих случаях было обращение нации внутрь себя, к своей перестройке — прочь от иностранных влияний и увлечений. Такие соображения, несомненно, сыграли свою роль в каждом из решений, но в разной степени. Везде, кроме Москвы, эти решения предполагали строительство новых городов или значительное расширение небольших, перенос столицы подальше от большого шумного мегаполиса (*metropolis*). Это были проекты нового города, расположенного в центре и созданного специально для выполнения функции политической столицы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ *versus* УРБАНИСТИЧЕСКИЙ РОСТ

Идея переноса столицы в новые нетронутые места и строительства небольших специализированных городов не нова. К примеру, ей обязаны своим существованием Санкт-Петербург и Вашингтон. Но у них есть античные предшественники, в том числе Константинополь и даже Мегалополис, который был задуман Эпаминондом в IV веке до н. э. как столица союза греческих городов-государств. Он был размещен в центральной части Пелопоннеса, чтобы объединить север и юг, Афины и Спарту. Мегалополис вскоре потерял статус столицы, Константинополь же просуществовал 16 веков как наследник и соперник Рима. В таких перемещениях столицы — и тогда, и сейчас — можно разглядеть бегство из крупных городов, прочь от сложившихся центров власти и шумных деловых центров. Одно убеждение как будто глубоко засело в умах людей: политическому процессу нужны стабильность и безопасность и для него безопаснее, разумнее и эффективнее существовать в чем-то вроде специально спроектированных политических башен из слоновой кости.

Эту идею можно найти в теологии и политической философии. Ее примеры есть в Библии и диалогах Платона. Крупный развивающийся город и центральная государственная власть противостоят друг другу в непрекращающемся политическом конфликте. При нынешней быстрой урбанизации и крупномасштабной «метрополитизации» (*metropolitanization*) этот конфликт является важной проблемой. Ожидается, что к 2000 году большая часть человечества будет проживать в больших городах. Возможно, таким миром будет трудно управлять.

История может дать множество примеров больших городов, требовавших больше автономии и свободы. В своей замечательной книге «Древняя Месопотамия»² Лео Оппенхейм упоминает прошение, поданное жителями Вавилона Ашшурбанапалу (VII век до н. э.). В нем «многозначительно утверждается, что в стенах Вавилона свободна даже собака». Лишь крупная столица могла бросить вызов могущественному царю, но ее коммерческая и культурная жизнь, особенно если это политическая столица, требует некоторой свободы поведения, распространения информации и перемещений, а также гарантий того, что свободная коммерческая деятельность будет уважаема и избежит вмешательства со стороны власти. История Средних веков полна постоянных конфликтов, переговоров и соглашений между правителями и большими богатыми городами. Многие правители так их боялись, что все время переезжали со своим двором из замка в замок по маленьким городам и сельской местности. В условиях феодализма столичный город едва ли был столицей. Политическая эволюция, которая привела к современным демократиям, началась в Западной Европе с борьбы партий в самостоятельных городах Италии и Фландрии. Разные периоды истории Лондона могли бы проиллюстрировать роль частых конфликтов между городом и короной в становлении британской политической системы.

Случай Парижа заслуживает особого внимания: его часто рассматривают как классический пример ранней и сильной централизации власти, как резиденцию сильной, объединяющей страну власти — неважно, монархической или республиканской. На самом же деле французская столица почти все время конфликтовала со своими правителями. В Средние века периодически вспыхивала борьба академической или торговой части населения с *gens d'armes* короля. Обосновавшиеся на левом берегу (то есть за пределами острова, где располагались королевский дворец и собор) студенты и преподаватели колледжей, сражаясь с королями и епископами, добились от Рима хартии, предоставившей Парижскому университету автономию и самоуправление под удаленной властью папского престола. На правом берегу жил *Prévôt des Marchands*³, обычно возглавлявший борьбу оппозиции с властью, поэтому в XIV веке королевский двор переехал с острова в Лувр на правом берегу не только для руко-

2. Оппенхейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1980 (1990).

3. «Глава торговцев», прево — глава муниципального совета Парижа, созданного Людовиком IX в 1246 году. Совет избирался парижанами, имевшими в городе постоянное жилье, и состоял из четырех представителей.

водства обороной от нормандских атак, но и чтобы тщательнее контролировать дела торговцев. Бастильская крепость усилила контроль за данной частью города. Несмотря на это, в XVI веке двор редко бывал в столице и больше скитался по королевским замкам в Лувре, Сен-Жермене, Фонтенбло. Генри IV столкнулся с большими трудностями, пытаясь добиться лояльности парижского населения, и лишь могущественному Ришелье удалось сохранить государственную власть в столице.

После смерти Ришелье пребывание в Париже вернувшихся короля и двора продлилось недолго. При регентстве королевы-матери и правлении кардинала Мазарини гражданская война с Фрондой годами будоражила Париж. Спустя годы Людвига XIV тревожили детские воспоминания о толпах, осаждавших дворец и даже однажды ночью ворвавшихся в его спальню. Повзрослев, он старался проводить в столице как можно меньше времени и избегал оставаться здесь на ночь. С 1661 года главной королевской резиденцией был замок Сен-Жермен-на-Лайе, пока в 1683 году королевский двор не принял Версаль, новый город и великий дворец. Для проведения официальных аудиенций король приезжал в Лувр, и ныне маршрут его двадцатилетних перемещений между Сен-Жерменом и Лувром — это главный вектор расширения на запад центрального делового района. Основной вектор планирования пригородов — через Нейи, Ля-Дефанс и Нантер — повторяет траекторию дороги, проторенной страхом Людвига XIV перед великой столицей.

Строительство в двенадцати километрах от столицы Версалья, задуманного как новая загородная резиденция двора и правительства, свидетельствовало о явном желании развести большой город и центр политической власти, который нельзя было доверить бурлящей метрополии. Эта ситуация длилась около века. Один из первых актов революции 1789 года вернул короля и двор из Версаля в город. Чтобы обезопасить для власти центр города после волнений 1848 года, Вторая империя инициировала масштабную городскую перепланировку под руководством барона Османа. Столица продолжила расти. Республиканские правительства XX века неоднократно пытались провести децентрализацию и остановить рост парижской агломерации, часто обвиняемой в высасывании соков из национальной системы. Сегодня население парижского столичного региона — это около одной пятой населения всей страны. Данный случай все не уникальный: схожие ситуации с городскими агломерациями (*conurbation*) сложились и в других странах, например в Великобритании, Дании, Австрии, Ирландии, Греции, Японии, Аргентине, Уругвае, Чили, Колумбии, Коста-Рике, Мексике и Никарагуа.

На самом деле, столица часто является крупнейшим городом страны. Ввиду современного городского роста эта ситуация все больше становится тенденцией, но в унитарных, а не в федеративных государствах. США дали начало моде учреждать столицы в небольших городах вдали от основных мегаполисов. Вашингтон был основан в округе Колумбия не только для посредничества между севером и югом, но и чтобы разместить здесь федеральное правительство: вдали от Нью-Йорка и Филадельфии — больших американских городов, борющихся за роль столицы. Даже в отдельных штатах столицы часто размещались в довольно небольших городах: Олбани — в штате Нью-Йорк, Гаррисбург — в Пенсильвании, Аннаполис — в Мериленде, Остин — в Техасе и Мадисон — в Висконсине. Со временем эти города выросли, но гораздо скромнее, чем главные мегаполисы своих штатов.

Примеру США последовали Канада со своей Оттавой и, по всей видимости, Западная Германия, выбрав Бонн. Нидерланды уже несколько веков остаются верны другой, более редкой модели: официальная столица — крупный мегаполис Амстердам, но правительство и парламент находятся в Гааге, старой резиденции графов Голландии. На фоне интенсивной урбанизации Рандстада Гаага может выглядеть по европейским меркам как пригород Амстердама. Однако это значительная агломерация численностью около полумиллиона человек. Во избежание конфликта города и королевской власти Гааге никогда не давали статус города: официально она остается деревней, что напоминает описание Вашингтона Хенриксоном.

В последнее время было распространено строительство новых городов для столиц: тщательно спланированные специализированные города, основанные в центральных районах, вдалеке от основных растущих агломераций. К примеру, Оттава, Анкара, Канберра, Претория, Бразилиа, Исламабад и Абуджа. В каждом случае решение об основании и выбор места были продиктованы целым рядом соображений. Зачастую это было желание создать активную точку роста в центре страны, на территории слабо развитого региона. Следует признать, однако, что в каждом случае одним из определяющих факторов было нежелание размещать национальное правительство в большой, шумной, бурлящей и многонациональной среде мегаполиса. Это во все не предрассудок или унаследованная традиция. Даже в более продвинутых нациях политический страх перед громадностью городов остается одним из препятствий для развития городского планирования. Есть что-то такое в мегаполисах, из-за чего их рынки и улицы конфликтуют с интересами национальной политики. Конечно, частично это обусловлено тем, что успешный ме-

гаполис, особенно если он еще и столица, склонен присваивать слишком большую власть над остальной территорией, а также замыкать на себя многие из желанных функций и демонстрировать при помощи своих иностранных и дальних связей слишком большую независимость. Еще это может быть частично обусловлено тем, что жизнь бок о бок с властью близко знакомит население города с ее механизмами и воспитывает в нем чувства ответственности и властности, которых может не быть у населения других городов.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ: ПОИСК НАИЛУЧШЕГО

Столицы довольно часто переносились. В древности это было обычаем в Китае, Японии и некоторых других странах. Каждый новый правитель или династия выбирали новую резиденцию — возможно, как символ потери власти предыдущим режимом. Судьбы старых столиц после учреждения новых складывались по-разному. В некоторых случаях (Рим, Москва) столица возвращалась в прежний город, до того на столетия покинутый ею. Впрочем, и Москва, и Рим сохраняли свое значение и после лишения статуса политической столицы.

В 1981 году в *Società Geografica Italiana* в Риме состоялась стопамытная дискуссия о столичных городах, в ходе которой выдающийся итальянский ученый и политик Франческо Компанья поставил вопрос: «А как же бывшие столицы? Исследовались ли их судьбы?» Конечно, он имел в виду свой Неаполь, но также многие другие итальянские города: Венецию, Милан, Турин, Флоренцию... Италия в этом отношении случай особый, но не уникальный: вспоминаются и другие страны (в том числе Германия и Индия), чьи столицы изрядно покочевали по городам.

По мере поиска наилучшей для размещения столицы среды возникают новые столичные города, что увеличивает количество бывших столиц. Просматривая исторические записи и современные карты, можно заметить, что бывшие столицы в целом довольно хорошо пережили отъезд государственных институтов. Большинство из них остались значимыми городами и экономическими центрами. В ряде случаев города, долгое время бывшие могущественными столицами, унаследовали функцию религиозного центра. Хотя мирская власть была утрачена, политическая значимость города поддерживалась духовной властью. Наиболее известные примеры — Рим, Иерусалим, Константинополь и Москва. Но есть и такие, как Гардая в Сахаре, наследник недолго просуществовавшей Ибадитской импе-

рии. Впрочем, основным способом выживания бывших столиц была их экономическая активность. Напротив, иные из бывших столиц, особенно просуществовавшие в таком статусе недолго, едва выжили, став деревнями. Например, политически искусственный, хотя и расположенный в центре страны, Мегалополис Эпаминонда.

В 1967 году после своей лекции о городе как политическом феномене в Университетском колледже Лондона я услышал запомнившийся мне комментарий. Его высказал председатель того заседания Лорд Холфорд, выдающийся британский проектировщик. Рассказанное мной об отношении Людовика XIV к Парижу и Версалю напомнило Холфорду об инструкциях, полученных им от президента Бразилии Ж. Кубичека во время работы комитета, выбиравшего план Бразилиа. По словам Кубичека, бразильские политики не чувствовали себя спокойно в Рио-де-Жанейро, который был слишком космополитичен, пронизан иностранными интересами и слишком тесно связан с зарубежными компаниями. Им нужна была новая столица в глубине страны, где бы они чувствовали себя «как дома». Наверняка схожее ощущение сильно повлияло на решение Ататюрка перенести столицу в Анкару. И наоборот, именно борьба с замкнутым духом московских порядков вынудила Петра I основать Санкт-Петербург. И конечно, в каждом из случаев сыграло роль желание создать хорошо обеспеченную точку роста, а также на века воздвигнуть памятник собственному правлению. Но, вероятно, решающим было именно сильное желание отдалиться от сложившихся и слабо контролируемых мегаполисов — как и в случае строительства Версаля.

Столичные города отражают политическую жизнь своих наций и личности своих лидеров. Поиск оптимальной для столицы среды продолжается по мере изменения обстоятельств. В XX веке множество городов по всему миру получили статус политической столицы независимой нации. Многие из этих наций были недавно сформированными политическими союзами — следствиями причуд истории или колониального правления. Их столицы были обречены быть в значительной мере «искусственными» — в том смысле, что они были произведены внешними силами, а не медленным, вековым процессом внутреннего отбора и эволюции. Примечательно, что в большинстве случаев добившиеся независимости нации предпочитали оставлять столицей город, в котором находилась колониальная администрация. В этом отношении непрерывность преобладала над переменами.

Отчасти это может быть комплиментом интуиции прежних правителей, выбравших верное место для размещения админи-

страции. Возможно, данное место уже было историческим центром, годами получавшим дивиденды от роли центра в условиях колониального режима. В некоторой степени на решения оставить столицу на прежнем месте повлияло наличие в тех городах среды, подходящей для отправления власти и принятия решений по управлению территорией. Дело было не только в обустроенной среде, но в какой-то степени и в социальной среде. На самом деле за последние пятьдесят лет столицы переносились гораздо меньше, чем можно было бы ожидать.

Тем не менее в странах с федеративным устройством решения строить новые, специально предназначенные для столиц города пользовались популярностью. И в однородных и централизованных государствах вроде Китая тоже разворачивались долгие дискуссии и чертились планы для новых столиц наподобие Бразилиа. Всегда есть желание децентрализовать очень большие городские системы, также являющиеся политическими столицами. Идея вывода функции столицы из большого города естественным образом выходит на первый план и подкрепляется очевидной популярностью новоиспеченных столиц. Здесь возникает вопрос: существуют ли оптимальные для столицы модель и среда? Ответ зависит от решения более общей проблемы: что лучше для политической государственной деятельности — безопасный и стабильный режим работы в специально задуманной для этой цели башне из слоновой кости или работа в тесном контакте с оживленным мегаполисом?

Ответы на эти два вопроса все еще горячо обсуждаются. Без сомнений, повседневная жизнь и суэта мегаполисов — фактор, обреченный тревожить и нарушать спокойствие, которое, по идее, должно преобладать вокруг власти. С другой стороны, в условиях башни из слоновой кости можно оказаться в изоляции или по меньшей мере получать с опозданием и искаженными сведения о повседневных проблемах изменчивого мира, решение или смягчение которых является основной задачей власти. Часто говорят, что благодаря современным коммуникационным технологиям вновь созданная столица, даже будь она в изолированном месте, уже не будет такой башней. И в самом деле, воздушное сообщение и прогресс телекоммуникаций преодолели большинство изолирующих последствий удаленности города. Бразилиа был спроектирован в форме самолета, чтобы напоминать нам о новых возможностях нашего времени, и воздушное сообщение делает его гораздо ближе к основным городским центрам, чем было возможно в прошлом. Телефонная сеть, телексная связь и телевидение делают то же. И все же это гораздо более тихое место, чем Рио-де-Жанейро. Бразилиа очень молодой город. Энергичность и мас-

штабы Бразилии обусловили его быстрый рост, и он наверняка продолжит развиваться. Тем не менее это не счастливое или по-настоящему оживленное место. Должна ли столица выражать характер нации?

Бразилия очень оригинальная страна. Своими культурой и нравами она отличается от тех южноамериканских стран, которые испытали более сильное влияние Испании. Это обширная, сложная и разнообразная страна. Возможно, символ самолета нужен ей, чтобы сохранять целостность и продолжать развиваться. Столичный город прежде всего должен быть приспособлен к культуре и ожиданиям управляемой им страны. Обобщения здесь неизбежно условны. Возможно, наиболее безопасный вывод из всего вышесказанного заключается в том, что люди всегда колебались и расходились во мнениях по данному вопросу. Им хотелось, чтобы столица была хорошим посредником, но при этом сохранялись бы и философские преимущества башни из слоновой кости.

Человечество — очень склонный к экспериментированию вид. Ему нравится пробовать новые решения. В эпоху быстрой и массовой урбанизации появилась тенденция размещать правительства в специально спроектированных и в какой-то мере изолированных местах, оснащенных современными технологиями. Этот эксперимент возбуждает воображение, но с ним связан и глубокий страх перед неуправляемыми мегаполисами.

Что касается старой дилеммы размещения государственной власти, то в 1946–1947 годах мне посчастливилось стать свидетелем любопытного эксперимента — процедуры выбора постоянной штаб-квартиры ООН. Когда ООН приняла приглашение обосноваться в США, ей предложили на выбор ряд мест (уже после их первого и совершенно неудобного штаба Лейк Саксес на Лонг-Айленде). Альтернативные места были разбросаны от западного до восточного побережья, одни находились в пригородах, другие — в сельской местности со специально спроектированными зданиями для ассамблей, офисов и персонала. Выбрать было трудно. Неожиданно был предложен заброшенный участок земли неподалеку от самого сердца Манхэттена, на Сорок второй улице на Ист-Ривер. Вскоре оно было с удовольствием принято большинством голосов. По поводу Нью-Йорка были некоторые опасения, но еще большие — относительно уединенного места в глуши. Большинство людей, работающих в структурах власти, в конечном счете предпочитают большой город, даже если они не чувствуют себя здесь как дома. Должна ли столица быть домом, в котором можно отдохнуть? Едва ли она когда-либо была такой для работающих во власти.

МЕГАПОЛИСЫ И СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА

Растет число городов, приобретающих статус и функцию политической столицы. Это следствие значительного политического дробления мира: больше стало не только независимых стран, но и тех, которые приняли федеративное или регионализованное (*regionalized*) конституционное устройство. Национальные или региональные столицы — в основном резиденции правительств, под чьей юрисдикцией находится определенная территория. Размер территории на самом деле не имеет решающего значения для действительной роли столицы. Например, Сингапур — довольно небольшой остров, значительную часть которого занимает его столица. При этом большая численность населения, а также экономическая и политическая активность своими разнообразием, интенсивностью и далеко протянувшимися сетями связей делают его важной столицей, несмотря на миниатюрность страны в целом.

Появление в каждой стране большого и властного города было зафиксировано в 1939 году⁴. Такие мегаполисы часто, но не обязательно являлись политическими столицами. Были и исключения, например Нью-Йорк, Калькутта и Цюрих. В ряде случаев резиденция государственной власти переносилась из такого мегаполиса в место гораздо меньших размеров, чтобы развести крупный город и столицу. Такое разделение уже долгое время есть в Нидерландах, где Амстердам, мегаполис, по конституции остается столицей, но правительство, за исключением нескольких торжественных случаев, работает в Гааге.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА

Решения о переносе столицы в небольшой город участились после 1800 года. Нередко это были результаты компромисса между большими соперничающими городами или конфликтующими региональными силами, как в случае Вашингтона, Берна, Оттавы, Канберры, Претории, Нью-Дели и совсем недавно Бонна.

Несколько иными соображениями было продиктовано решение Кемаля Ататюрка в 1922 году перенести турецкую столицу из властного Стамбула в Анкару, то есть ближе к географическому центру страны. Ататюрк руководил новой национальной

4. *Jefferson M.* The Law of the primate city // *Geographical review.* April 1939. Vol. 29. № 2. P. 226–232.

и республиканской Турцией, потерявшей свою империю. Если Стамбул символизировал ориентированное на окраины космополитичное развитие, то Анкара была символом сосредоточенной на себе нации, которая концентрирует свои усилия на развитии собственной территории и идентичности. В определенном отношении выбор Анкары означал национальные реформы, почти прямо противоположные тому, что Петр I пытался сделать двумя веками ранее, открывая Россию внешним влияниям и перенося столицу из Москвы в новый город на Балтийском море — Санкт-Петербург. Любопытно, что Ленин после революции 1917 года, стараясь устранить западное влияние в Советском Союзе, вернул столицу обратно в Москву.

Впечатляющее решение Бразилии перенести федеральную столицу из Рио-де-Жанейро в расположенный в центре страны и тщательно спланированный новый город Бразилиа было обусловлено целым комплексом причин. Это и желание избежать соперничества крупных городов (Рио и Сан-Паулу), и стремление ориентировать национальную политику на развитие огромных и пустующих внутренних областей, и надежда на то, что такое центральное и удаленное расположение освободит политический процесс от давлений и лоббирования со стороны большого делового центра, «космополитичного» Рио-де-Жанейро. Если перенос столицы в Бразилиа во многом можно объяснить мотивами, сходными с теми, что сыграли свою роль в решениях по Вашингтону, Нью-Дели и Анкаре, то наиболее близки они к случаю Анкары. Необходимо было стимулировать развитие внутренних областей и дистанцироваться от международного и торгового характера Рио, к которому политики из глубинки вроде президента Ж. Кубичека испытывали сильное недоверие.

Для политического процесса, особенно в демократических системах, долгое время было характерно недоверие к активности и могуществу больших торговых и индустриальных мегаполисов. Представители живущего вне властных мегаполисов населения подозрительно относятся к благосостоянию, жадности, амбициям и авантюрному духу людей и организаций, которые обычно сосредоточены в больших суетных экономических центрах с обширными сетями интересов. Они кажутся чуждыми и недобрыми более тихому, местечковому и провинциальному взгляду, обыкновенно преобладающему среди политических представителей нации. В Библии можно найти хорошую иллюстрацию такого отношения: это выдвинутые народом царю Ровоаму требования против продолжения затратной экспансионистской и космополитичной политики его отца царя Соломона, которая сделала Иерусалим такой великой столицей, и последовавшее восстание десяти колен (1 Цар. 12, и 2 Пар. 10). В диалоге

«Законы» Платон предлагал собрать население в идеальном *полисе* и защитить его от иностранного влияния и угрозы с моря при помощи небольших войск специально обученных граждан. Согласно его мысли, высокая степень изоляции способствовала бы лучшей и более стабильной политике⁵. И Ататюрк, и Кубичек, принимая решения по Анкаре и Бразилиа соответственно, возможно, сами того не зная, следовали политической философии Платона.

В больших растущих метрополиях есть что-то такое, что вступает в конфликт с интересами национальной политики. Отчасти это обусловлено тем, что успешный мегаполис склонен присваивать слишком большую власть над остальной территорией и замыкать на себе многие из желанных функций, а также демонстрировать слишком большую независимость в опоре на свои иностранные и дальние связи. Отчасти — из-за подозрения и страха по отношению к иностранным силам и их сторонникам, сосредоточенным в мегаполисе.

Несмотря на это, одной из ключевых функций государственной власти является ведение иностранных отношений и внешней торговли, а также наблюдение за сетями, связывающими страну с границей. В современную эпоху сети отношений между нациями и городами распространились во всех направлениях. Столичный город не может не быть узлом взаимодействия между этими внешними сетями и внутренней экономической и политической структурой страны. Политическое дробление мира, усиливающееся разделение труда между регионами, растущая сложность и переплетение внешней торговли и международных финансов — все это делает замкнутые на себя политические системы в духе Платона или Токугавы довольно бесперспективными для современных столиц. В этих условиях сама динамика столичных городов вынуждена приспосабливаться к новым механизмам. Если государственная власть размещается в изолированном и специально предназначенном для столицы месте, отделенном от центра основной деловой активности, то политическая столица, возможно, будет развиваться медленно и останется сравнительно маленькой. Она не избежит некоторого иностранного присутствия и международных связей, по меньшей мере в силу существования дипломатического корпуса.

Впрочем, столичный город может передать функцию экономической столицы другому, более крупному городу. В одних случаях такое разделение функций сложилось исторически,

5. Платон. Законы. 4.704–5.737.

как в Нидерландах, Италии, США, Канаде, Швейцарии, Марокко и Израиле. В других оно может быть недавним и более сложным, к примеру, в Турции, Бразилии или Западной Германии (в последних двух по несколько «экономических столиц»). На самом деле во всех подобных ситуациях некоторые политические функции осуществляются в экономических столицах, а некоторые экономические институты и торговые операции — в политических столицах. Но все же чаще всего эти функции выполняются одним мегаполисом, который и является реальной столицей.

РОСТ И БОГАТСТВО АФИН

Интересный анализ недавнего подъема такого столичного города можно найти в книге французского географа Гая Буржеля⁶, посвященной Афинам. Буржель показывает, что рост и богатство Афин не могут быть объяснены ни географическим расположением, ни промышленностью города и его окрестностей. По его мнению, все дело в столичном статусе Афин.

Их [Афин] богатство больше основано на потреблении, нежели на производстве, их динамизм обеспечивается скорее приобретенным богатством, чем преимуществами удобного расположения. <...> Наблюдателю непросто понять бюджеты этой городской агломерации или ее жителей, настолько непропорциональны ресурсы расходам. <...> Такой способ развития делает Афины представителем нового поколения урбанистических центров. <...> Искусственно воссозданные в 1835 году королем-иностранцем, стремившимся найти в историческом месте опору своей власти и авторитету, Афины были предшественником Бразилиа.

Буржель исследует парадоксы нынешней активности и развития Афин. Согласно его объяснению, механизм роста города обусловлен тем, что Афинам, как столице, удалось сосредоточить у себя политическую, экономическую и социальную жизнь Греции. Он сравнивает Афины с двумя другими столицами средиземноморских полуостровных стран — Римом и Мадридом. Оба города быстро выросли за последние двадцать лет, догнав Афины по численности населения (около трех миллионов человек). Рим рос быстрее Милана, а Мадрид — быстрее Барселоны. Функция столицы — действительно важный фактор в перераспределении значимости городов Средиземного моря.

6. *Burgel G. Athènes, étude de la croissance d'une capitale méditerranéenne.* P.; Lille: Diffusion Librairie Honoré Champion; Atelier Reproduction des Thèses Université Lille III, 1975.

В своем исследовании Афин Буржель мог недооценить вклад сетей греческой диаспоры в развитие города. Этот вклад не поддается точной оценке, но определенно является важным фактором развития греческой столицы. Аналогично роль мирового центра играет едва ли не большую роль в динамизме Рима, как показал польский географ Людвиг Страшевич в сравнительном исследовании крупнейших европейских столиц (Лондона, Москвы, Парижа и Рима)⁷. Пронизывающие Рим сети духовных и культурных внешних связей компенсируют отсутствие функции экономической столицы, которую выполняет Милан.

РОЛИ ДЛЯ СТОЛИЦ

Оценить роль современных столиц можно, лишь учитывая множество факторов. В них входит как минимум три категории факторов. Первая категория — характеристики национальной или региональной единицы, которой управляет столица: площадь территории, численность населения, разнообразие и запасы ресурсов, благосостояние людей, скорость роста и т. д. Вторая категория факторов — внешние связи рассматриваемого политического образования. Столица — это, по определению, место, где принимаются ключевые решения, касающиеся зарубежных связей управляемого политического образования, его жителей, ресурсов и институтов. Столица — место пересечения, соединения и взаимодействия множества внутренних и внешних отношений и сетей.

Третья категория факторов касается степени вмешательства или контроля государственной властью, обосновавшейся в столице, людей, ресурсов и деятельности на своей территории. Какая доля внутреннего продукта изымается через налоги и распределяется через бюджет? В каком объеме разрешены законодательное и судебное вмешательства в жизнь людей? Ограничиваются ли столичные институты только светской властью или они наделены и функциями в духовной и культурной сферах? Степень государственного контроля производства, торговли или служб на управляемой территории имеет большое значение, особенно в связи с тем, что с ней напрямую связаны размер бюрократического аппарата и разнообразие деловой активности.

Система этих факторов, определяющая «роль столицы», может сильно меняться в зависимости от конкретного случая. Также она изменчива в нестабильные периоды. В наше время тех-

7. *Straszewicz L. Wielkie stolice Europy. Warsaw: PWN, 1974.*

нологии, а также экономические и социальные условия быстро меняются, что в большинстве случаев неизбежно приводит к существенным переменам в столичных городах.

Несмотря на это, роль государства в стабилизации полюсов городского роста — старый и постоянный фактор урбанизации. «Замок» и «храм» — старейшие архитектурные и локальные символы города как центра. Они до сих пор имеют большое значение для формирования, поддержки и стабилизации внутренней структуры центральных городов. Можно сказать, замковая и храмовая функции. Замок должен быть понят как опора политической власти. Сегодня впору спрашивать, нельзя ли уподобить замкам высокие башни штаб-квартир больших корпораций или сильных профессиональных организаций. Власть частных компаний, управляющих обширными сетями связей, распространяется на государственные политические и экономические структуры: это могут быть мультинациональные корпорации, продающие товары или услуги, крупные банки, страховые компании или даже профсоюзы и профессиональные организации.

Храмовая функция интерпретируется особо: она имеет дело скорее с духовной, чем со светской властью. Несмотря на снижение в мире значения религии *stricto sensu* в социальной и экономической жизни людей, весьма значительным остается политический вес религиозных убеждений и организаций. Собор в городе уже не означает тех масштабов городской жизни, власти и торговли, которые его наличие гарантировало городу в христианском мире вплоть до XVIII века. Но трудно усомниться в том, что, например, присутствие храма мормонов в Солт-Лейк-Сити (столица штата Юта) и штаб-квартир «Христианской науки» и Римского католического архиепископства в Бостоне (столица штата Массачусетс) все еще играет важную роль в жизни этих двух городов.

Многими городами, в которых замковая и храмовая функции в прошлом играли важную роль, эти функции были унаследованы в качестве духовного влияния того или иного типа. Их все еще можно узнать в формах академического авторитета или культурного паломничества. И то и другое имеет важные для города сопутствующие экономические эффекты. Бостон, будучи бывшей столицей американского пуританизма, сохранил не только роль центра исторического паломничества, но и большое культурное, особенно академическое, влияние в национальном и международном масштабах. В христианских и мусульманских странах образование и культурное развитие были тесно связаны с религиозным авторитетом. Большинство университетов средневековой Европы были основаны под покровитель-

ством и защитой собора или аббатства. Особенно преуспевали они там, где могли получить покровительство сильного замка. Об этом свидетельствует ранняя история университетов Парижа, Монпелье, Болоньи или Оксфорда. Некоторые из современных центров политических процессов, в которых находятся офисы международных политических организаций, обязаны своей ролью исторически присутствующей в них религиозной власти. Особенно показательны в этом отношении Рим, Иерусалим и Женева.

В XX веке значительно возросло влияние государственной власти и крупных частных компаний. Постоянно растет административное вмешательство в экономическую, культурную и социальную сферы общества. Эти тенденции есть и в тоталитарных странах коммунистического режима, и в капиталистических демократиях, поскольку везде требуется больше планирования, снабжения и регулирования служб на национальном или региональном уровне, а также больше перераспределения коллективно произведенного богатства, чтобы добиться социального благополучия и определенной экономической защищенности граждан.

Быстрый успех технологии и автоматизации облегчил давление, оказываемое на человеческий труд необходимостью производства благ. Однако сложность технологических процессов увеличила нужду в государственном вмешательстве. К примеру, если в доиндустриальную эпоху большинство служб по транспортировке людей и передаче сообщений могли быть отданы на откуп частным предприятиям, то теперь государство считает нужным регулировать, а во многих странах и управлять транспортировкой пассажиров и работой почтовых служб и телекоммуникационных сетей. Отсюда столь явный в столичных городах рост чиновничьего аппарата и деловой активности государственных ведомств.

Экспансия государственной регуляции — основа роста столичных городов как центров трудового найма и экономической активности. Это не просто следствие увеличения количества вакансий в государственных структурах: значительная часть кадров должна быть рассредоточена по территории страны, как в случае почтальонов и полицейских офицеров. Однако деятельность государства не может развиваться без постоянного участия представителей заинтересованных сторон. Знаменитый слоган двухвековой давности «Нет налогов без представительства» ничуть не потерял своей актуальности. Участие в политической жизни посредством того или иного типа представительства принято в большинстве политических режимов, и их число увеличивается. Таким образом, деятельность государства в изо-

били порождает как свой побочный эффект активность в ключевых городах. В результате в этих городах постоянно или наездами живет большое количество активных людей, которые официально могут жить и работать где угодно, но проводят время и занимаются своими делами именно здесь.

ЦЕНТРЫ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

Динамизм современных городов уже не может быть адекватно измерен обычными данными о населении и трудовой занятости. Столица — это центр деловой активности, обслуживающий проблемы и нужды обширных территорий, откуда люди приезжают в столицу, чтобы заключать разнообразные сделки или собирать сведения. Недавнюю эволюцию Парижа сложно понять без учета этих потоков⁸. Проблемы больших городов, в том числе Лондона, Парижа и Нью-Йорка, следует рассматривать в свете новой географии города, которая учитывает тенденции современного мира. Эти тенденции ведут к преобладанию в обществе белых воротничков, занимающихся обработкой информации и жаждущих комфорта и развлечений после сложных и утомительных абстрактных сделок⁹.

Особенно активную роль среди деловых центров играют столичные города. В своей работе «Города в движении» Арнольд Тойнби верно подчеркнул роль столиц как плавильных котлов и пороховых бочек, но их современная эволюция еще сложнее¹⁰. Статус центра государственной власти способствует наполнению столиц разного рода удобствами, ритуалами и туристами. Управление процессами в политической, экономической и культурной сферах требует сбора и обработки массы информации. На фоне нынешней трансформации образов жизни и способов работы столичный город становится особенно привлекателен для посещения или жизни в нем. При этом растет число городов, играющих роль столицы того или иного типа. Интенсивность

8. *Gottman J.* Paris transformed // *Geographical Journal*. March 1976. P. 132–135.

9. Здесь я не буду подробно останавливаться на этих тенденциях, им посвящены мои предшествующие публикации (особенно см.: *Idem.* *Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1961. Ch.11. The White-Collar Revolution) и ряд статей в *Ekistics*, особенно: *Idem.* Urban Centrality and the Interweaving of Quaternary Activities // *Ekistics*. May 1970. № 174. P. 322–331; *Idem.* The Evolution of Urban Centrality // *Ekistics*. April 1975. № 233. P. 220–228.

10. *Toynbee A.* *Cities on the Move*. L., 1979. См. также: *Gottman J.* The Growing City as a Social and Political Process // *Transactions of the Bartlett Society*. 1966–1967. P. 11–46.

и сложность сконцентрированных в больших городах государственных процессов приводят к децентрализации и делегированию власти меньшим городам. Было бы полезно классифицировать возникающие типы столиц; сегодня понятие столичного города вовсе не так просто, и составление такого списка может оказаться долгим и трудным делом.

На фоне современной эволюции труда и общества растет значимость роли столичного города в отборе точек роста, а население все внимательнее относится к самому себе. Система столиц становится основанием формирующихся сетей деловых городов.

REFERENCES

- Burgel G. *Athènes, étude de la croissance d'une capitale méditerranéenne*, Paris, Lille, Diffusion Librairie Honoré Champion, Atelier Reproduction des Thèses Université Lille III, 1975.
- Gottman J. *Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States*, New York, The Twentieth Century Fund, 1961.
- Gottman J. Paris transformed. *Geographical Journal*, March 1976, pp. 132–135.
- Gottman J. The Evolution of Urban Centrality. *Ekistics*, April 1975, no. 233, pp. 220–228.
- Gottman J. The Growing City as a Social and Political Process. *Transactions of the Bartlett Society*, 1966–1967, vol. 5, pp. 11–46.
- Gottman J. Urban Centrality and the Interweaving of Quaternary Activities. *Ekistics*, May 1970, no. 174, pp. 322–331.
- Jefferson M. The Law of the primate city. *Geographical review*, April 1939, vol. 29, no. 2, pp. 226–232.
- Myres J. *The Marmara region. Geographical History in Greek Lands*, Oxford, Clarendon Press, 1953.
- Oppenheim A. L. *Drevnjaja Mesopotamija. Portret pogibšej civilizacii* [Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization], Moscow, Nauka, 1980.
- Plato. *Laws*, 4.704–5.737.
- Straszewicz L. *Wielkie stolice Europy*, Warsaw, PWN, 1974.
- Toynbee A. *Cities on the Move*, New York, Oxford University Press, 1970.